

УДК 821.162.1-32
ББК 84(4Пол)-44
Т51

Olga Tokarczuk

OPOWIADANIA BIZARNE/BIZARRE STORIES

Copyright © Olga Tokarczuk, 2018

First published as *Opowiadania Bizarne* in Poland by
Wydawnictwo Literackie, Kraków in 2018

Перевод с польского *И. Адельгейм*

Художественное оформление
и иллюстрация на переплете *А. Ивановой*

Токарчук, Ольга.

Т51 Диковинные истории / Ольга Токарчук ; [пер. с пол. И. Адельгейм]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-101961-7

Лауреат Международного Букера Ольга Токарчук коллекционирует фантазии. В нашу серую повседневность она, словно шприцем, впрыскивает необъяснимое, странное, непривычное. Мороки из прошлого и альтернативное настоящее не поддаются обычной логике. Каждая история – мини-шедевр в духе современной готики.

«Диковинные истории» – собрание причудливых рассказов, где каждая история – окно в потустороннее.

УДК 821.162.1-32
ББК 84(4Пол)-44

© Адельгейм И., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101961-7

Пассажир

Один человек, сидевший рядом со мной во время длительного ночного перелета через океан, рассказал о ночных страхах своего детства. Ему постоянно мерещился один и тот же кошмар, он кричал и в панике звал родителей.

Это случалось в долгие вечера: тихие, сумрачные часы без телеэкранов (единственными звуками были шепот радиоприемника или шелест отцовской газеты) располагали к появлению странных мыслей. Он помнил, что боялся уже начиная с полдника, несмотря на успокаивающие слова родителей.

Ему тогда было года три-четыре. Он жил в угрюмом доме на окраине небольшого города, отец, человек принципиальный и не чуждый сарказма, директорствовал в школе, мать, аптекаршу, вечно окружало облако лекарственных запахов. Была еще старшая сестра, но та, в отличие от родителей, не пыталась ему помочь. Как раз наоборот — с непонятной для него нескрываемой радостью с самого обеда напоминала брату, что ночь не за горами. И если никого из взрослых не оказывалось поблизости, пичкала его историями о вампирах, восстающих из могил мертвецах и все-

возможных исчадиях ада. Но удивительное дело: ее рассказы ничуть его не пугали — он не умел бояться всех этих существ, которых все считают страшными, они ничуть его не ужасали, словно место, предназначенное для страха, было в нем уже занято, и все возможности ощущать это чувство — исчерпаны. Он слушал возбужденный голос сестры, когда та драматическим шепотом пыталась его запугать; слушал совершенно спокойно, зная, что ее истории — ничто по сравнению с той фигурой, которую он видел каждую ночь, лежа в кровати. Так что, повзрослев, он, в сущности, мог бы быть благодарен сестре, привившей ему этими историями своего рода иммунитет ко всем обычным страхам земного шара: в определенном смысле он вырос человеком бесстрашным.

Причина его страха была невыразима, он не умел найти для нее слов. Когда родители вбегали в его комнату, спрашивая, что случилось, что ему снилось, он говорил только: «он», «кто-то» или «этот». Отец зажигал свет и, убежденный в непреодолимой силе эмпирического доказательства, демонстрировал сыну угол за шкафом или место возле двери, повторяя: «Видишь, нет тут ничего, ничего тут нет». Мать действовала иначе — прижимала его к себе, окутывала стерильным аптечным ароматом и шептала: «Я с тобой, ничего не бойся».

Но он был слишком мал, чтобы страшиться зла. В сущности, ни о зле, ни о добре он пока еще не имел ни малейшего понятия. А кроме того, был слишком мал, чтобы опасаться за свою жизнь. Впрочем, есть вещи и похуже смерти, похуже тех

случаев, когда вампир высасывает из тебя кровь, когда оборотень разрывает тебя на части. Детям это хорошо известно: саму смерть еще можно пережить. Худшее — то, что повторяется с определенной периодичностью, неизменное, предсказуемое, неизбежное и инертное — то, что не зависит от тебя, вцепляется клещами и тащит неведомо куда.

Итак, в своей комнате, где-то между шкафом и окном, он видел темную человеческую фигуру. Фигура стояла неподвижно. В темном пятне, за которым угадывалось лицо, тлела маленькая красная точка — кончик сигареты. Время от времени, когда сигарета вспыхивала, лицо проступало из мрака. Бледные усталые глаза смотрели на ребенка напряженно, с какой-то претензией. Густая щетина с проседью, испещренное морщинами лицо, узкие губы, словно специально созданные для того, чтобы затягиваться дымом. Мужчина стоял неподвижно, а побледневший от страха ребенок поспешно совершал свои защитные ритуалы — прятал голову под одеяло, стискивал металлическую спинку кровати и беззвучно читал молитву ангелу-хранителю, которой научила его бабушка. Но это не помогало. Молитва обращалась в крик, и на помощь прибегали родители.

Это продолжалось какое-то время, достаточно долгое, чтобы заронить в детскую душу недоверие к ночи. Но поскольку после ночи всегда наступал день и великодушно отпускал грехи всем порождениям тьмы, ребенок рос и забывал. День набирал силу, приносил все больше сюрпризов. Родители вздохнули с облегчением и вскоре тоже

Ольга Токарчук

забыли о детских страхах сына. Они старели спокойно, в такт ежевесенним проветриваниям комнат. А тот человек из ребенка превращался в мужчину, преисполняясь уверенности, что детству не стоит придавать особого значения. Впрочем, утро и первая половина дня неизменно вытесняли из его памяти сумерки и ночь.

Лишь недавно — так он утверждал — неведомо как, незаметно, перешагнув шестидесятилетний рубеж, он однажды вечером вернулся домой усталым и понял, в чем было дело. Перед тем как лечь спать, решил выкурить сигарету и встал у окна, превращенного темной улицей в близорукое зеркало. Вспышка зажигалки на мгновение продырявила тьму, а потом огонек сигареты ненадолго осветил чье-то лицо. Из мрака проступила прежняя фигура — бледный высокий лоб, пятна глаз, полоска рта и щетина с проседью. Он моментально узнал его, тот человек ничуть не изменился. Сработала привычка — он уже набрал в легкие воздуха, чтобы закричать, — но звать было некого. Родители умерли; он остался один, детские ритуалы тоже утратили свою силу, он давно уже не верил в ангела-хранителя. Но мгновенно поняв, кого боялся когда-то так сильно, этот человек испытал подлинное облегчение. Родители, в общем, были правы — окружающий мир безопасен.

«Человек, которого ты видишь, не потому существует, что ты его видишь, а потому, что он на тебя смотрит», — заметил он в заключение этой странной истории, после чего мы погрузились в сон, убаюканные басистым урчанием двигателей.

Зеленые дети,
или Описание удивительных
событий на Волыни,
составленное медиком
Его Королевского Величества
Яна Казимира
Уильямом Дэвисоном

Эти события имели место весной и летом 1656 года, когда я уже не первый год находился в Польше. Я прибыл сюда несколько лет назад по приглашению Людовики Марии де Гонзага, королевы, супруги Яна Казимира, польского короля, чтобы занять пост королевского лекаря и директора королевского сада. Отклонить сие приглашение мне не позволяло высокое положение обратившихся ко мне особ, а также некоторые личные обстоятельства, кои упоминать здесь нет надобности. Отправляясь в Польшу, я волновался, ибо не был знаком с этим краем, столь удаленным от знакомого мне мира, и полагал себя неким эксцентриком, человеком, выходящим за пределы центра, в котором известно, чего можно ожидать. Я боялся чужих обычаев, жестокости восточных и северных народов, но более всего — здешней непредсказуемой атмосферы, холода и влажности. Ведь из памяти моей не изгладилась судьба моего друга Рене Декарта, что несколькими годами ранее, приглашенный шведской королевой, отправился в ее холодные северные владения — далекий Стокгольм — и там, простудившись, почил во цвете лет и интеллектуальных сил. Какая утрата

для всяческих наук! Опасаясь, что и меня постигнет подобная участь, я привез из Франции несколько превосходных шуб, но в первую же зиму выяснилось, что они слишком легки и тонки для здешней погоды. Король, с которым я вскоре искренне подружился, подарил мне волчью шубу, длинную, до самых щиколоток, и я не расставался с ней с октября до апреля. Носил я ее и во время описываемого здесь путешествия, а случилось оно в марте. Знай, Читатель, что зимы в Польше, как и повсюду на севере, бывают суровы — достаточно представить себе, что до Швеции можно добраться по скованному льдами *Mare Balticum*¹, а на многих замерзших прудах и речках устраиваются в дни карнавала ярмарки. И поскольку сие время года длится здесь долго, а растения тогда прячутся под снегом, ботанику, по правде говоря, остается совсем мало времени для исследований. Поэтому, хочешь не хочешь, пришлось сделать объектом своего изучения людей.

Меня зовут Уильям Дэвисон, я шотландец, родом из Абердина, однако много лет прожил во Франции, где карьеру мою увенчала должность королевского ботаника и где я опубликовал свои труды. В Польше их почти никто не знал, но ко мне относились с почтением, каким бескритично дарят всех тех, кто прибывает из Франции.

Что склонило меня к тому, чтобы последовать примеру Декарта и отправиться на край Европы? На подобный вопрос нелегко ответить коротко

¹ Балтийское море (*лат.*).

и по существу, но поскольку эта история касается не меня и я являюсь в ней лишь свидетелем, оставляю его без ответа, полагая, что всякого читателя более привлекает сам рассказ, нежели ничтожная фигура повествователя.

Хронологически служба моя при дворе польского Короля совпала с прискорбными событиями. Казалось, все злые силы ополчились против польского королевства. Страну терзала война, опустошало шведское войско, а на востоке тревожили налеты москалей. На Руси еще раньше восстали недовольные крестьяне. Короля этого несчастного государства, словно по закону таинственной аналогии, мучили многочисленные болезни — точно так же, как его страну набеги. Приступы меланхолии он был склонен лечить вином и близкими отношениями с прекрасным полом. Противоречивая натура не давала ему усидеть на месте, хотя Король постоянно твердил, что ненавидит движение и тоскует по Варшаве, где ждет любимая жена, Людовика Мария.

Кортеж наш двигался с севера, где Его Королевское Величество находился с инспекцией, а также пытался договориться о союзе с магнатами. Туда уже дотянулись руки москалей, посягавших на независимость Речи Посполитой, и если учесть, что на западе свирепствовали шведы, можно было подумать, будто все темные силы, сговорившись, избрали польскую землю в качестве сцены жестокого военного *theatrum*¹.

¹ Театр (*лат.*).